

Сун Чжао также находился среди этой толпы восторженных простолюдинов. Однако для него была предусмотрена отдельная VIP-зона, которая отделяла его от шумной толпы и обеспечивала безопасный путь наверх, в зрительские ложи.

Накануне долгожданный японский торговец Ида Казуюки впервые прибыл в Цзиньчжоу. Семья Ида назначила встречу с местным магнатом Цзян Чэном как раз в тот момент, когда знаменитый Большой театр Миньюэ, известный по всему Цзиньчжоу, начал своё представление. Ида, только что прибывший в город и уже имеющий репутацию ценителя искусства и красавиц, не мог не получить теплого приёма от Цзян Чэна, который заменил убитого Шэнь Вэньчана. Вместе с ним на представление прибыли и другие представители военных, бизнеса и политики.

Сун Чжао, желая заручиться поддержкой японцев, не мог упустить возможность показать себя перед таким важным гостем. Узнав время мероприятия, он заранее прибыл на место, чтобы всё уладить.

Вскоре Гуй Хайшэн и Линь Ланьчжи также прибыли на автомобиле, вызывая волны приветствий со стороны толпы. Обоих из них Сун Чжао щедро поддерживал. Он действительно разбирался в опере и поддерживал всех артистов, независимо от их амплуа, хотя всегда уделял больше внимания женским ролям. Раньше он восхищался Лю Мянью, но Линь Ланьчжи тоже была хороша, и он часто заходил за кулисы, чтобы пообщаться с ней. Когда охранник сообщил ему, что Линь Ланьчжи находится за кулисами, Сун Чжао, как обычно, отправился поприветствовать её.

На этот раз он пришёл с несколько иными намерениями. Например, если Иде понравится кто-то из артистов.

Он намекнул об этом актрисе, которая уже многое получила от него, и Линь Ланьчжи, как и Лю Мянью, кивнула в знак согласия. Сун Чжао задумался, не стоит ли найти ещё нескольких новичков, специализирующихся на этом деле, и тут его взгляд упал на того, кто сводил Цзян Чэна с ума.

Гу Шэн помогал гримировать одного из актёров, играющего воина, и, кажется, давал указания своему помощнику. Его собственный грим был ещё не закончен, и он находился в том состоянии, когда его юношеская красота была скрыта, но ещё не проявилась величественная красота театральной героини. Лишь его глаза, ещё не подведённые, оставались притягательными.

Сун Чжао удивлённо причмокнул. Этот молодой человек выглядел настолько обычным, что даже не привлек внимания Сун Чжао, и он не обратил на него особого внимания до того, как Цзян Чэн не начал настаивать на его привлечении.

Поприветствовав ещё нескольких молодых людей и возвращаясь из гримёрной в VIP-ложу, он внезапно услышал шум снаружи. Крики «уступите дорогу» раздались в толпе, и люди, словно волны, расступились в стороны. Несколько конных солдат с винтовками встали по бокам, и через некоторое время снаружи послышался звук заглушённого двигателя. Наконец, группа из шести-семи чиновников медленно вошла в главный вход Большого театра Миньюэ.

В ноябре в Цзиньчжоу уже было холодно, и первые трое были плотно укутаны в лисьи шубы с замшевыми перчатками, держа в руках сигары, доставленные через Тихий океан и только что зажжённые слугами. Сун Чжао сразу узнал в первом из них Иду Казуюки, японского представителя, с его средним ростом и выступающим животом. Рядом с ним шёл его адъютант, с холодным и серьёзным выражением лица, словно он прибыл не для развлечений.

Сун Чжао наконец дождался этих людей.

Среди толпы выделялся второй сын семьи Цзян, милитарист Цзиньчжоу, который с мрачным лицом следовал за Идой и кричал на слугу:

— Где место, которое я заказал заранее? А?

Слуга, дрожа от страха, не мог вымолвить ни слова. Сун Чжао, увидев это, поспешил подойти, делая вид, что случайно оказался здесь:

— Эй! Это же господин Ида! Здравствуйте! Пришли послушать оперу? Как раз вовремя! Я заказал VIP-ложу в Большом театре Минъюэ, не хотите ли подняться наверх? Пожалуйста!

Цзян Чэн взглянул на него, и Сун Чжао быстро подмигнул ему, отпустив дрожащего слугу, и строго сказал:

— Сун Чжао, начальник арсенала Цзинбэя, старший сын Сун Хоу, крупного акционера Банка Минвань.

— О? — Ида прищурился, оглядывая Сун Чжао, который поспешил протянуть визитку.

Ида не взял её, лишь мельком взглянул и махнул рукой:

— Идём.

— Да-да, конечно! — Сун Чжао поспешно согласился. — Чем могу помочь? Вы устали после дороги. Может, устроим вам отдых с танцовщицами? У меня как раз есть несколько...

Ида больше не обращал на него внимания, поднявшись наверх с Шэнь Яо и Цзян Чэном. Сун Чжао не сдавался, следуя за ними и приказав слуге:

— Позовите Лю Мян и Сяо Чжоу.

Едва они устроились наверху, Цзян Чэн, с холодным выражением лица, начал разговор:

— Господин Ида Казуюки, раз уж вы лично...

Он был крайне недоволен этой обязанностью, в то время как Сун Чжао относился к этому легкомысленно, считая Иду просто торговцем. Цзян Чэн был гораздо более чувствителен к слову «предатель», чем его коллега. Он уже представлял, как завтра в газетах появится фотография их вместе с соответствующим заголовком, и это вызвало у него головную боль. Он знал, что его слова сейчас мало что изменят, но всё же решил просто представиться и отойти в сторону.

Пока он обменивался любезностями, Ида вдруг поднял руку, прерывая его.

Цзян Чэн нахмурился, подумав, что Ида, как и Шэнь Вэньчан, не любит обсуждать дела в таких ситуациях. Но в этот момент тишину нарушил высокий и чистый голос, исполняющий оперную арию. Звук был настолько прекрасен, что весь театр взорвался овациями и аплодисментами.

Охранники сначала подумали, что произошла какая-то неприятность, и направили оружие в сторону сцены, но Сун Чжао остановил их. Охранники обернулись и увидели, что лицо Сун Чжао блестит, словно он плачет.

Внизу ситуация вышла из-под контроля. Знатные дамы кричали имя актёра, и, если бы не правила театра, запрещающие бросать деньги на сцену, они бы, наверное, сняли все свои украшения и бросили их на сцену к этому великолепному исполнителю.

Любители оперы наперебой спрашивали: «Чья это ария?», «Неужели это не господин Линь?», «Это словно реинкарнация Шан Юньфан», «Как мы раньше не заметили такого артиста?». Имя Гу Шэна разносилось по всему театру, сопровождаемое волнами аплодисментов.

Ария «Опьянение императрицы Ян» ещё не закончилась, но голос артиста почти полностью заглушался аплодисментами — для начинающего актёра это не было комплиментом, но в такой атмосфере всеобщего восторга это было неизбежно.

Такой изысканный и трогательный голос был настоящим сокровищем, словно дарованным небесами.

В Цзиньчжоу было множество знатоков оперы, и чтобы завоевать овации за одну арию, было и сложно, и просто. Например, сейчас этот чистый, виртуозный голос сметал всех, кто годами был погружён в мир оперы, заставляя их вставать и аплодировать.

Если раньше Гу Шэн, ради Мэйсян, старался избегать конкуренции с Лю Мянью, то после исчезновения Лю Мянью сцена Цзиньчжоу стала его владением.

Пятнадцатого числа вечером ценители оперы в Цзиньчжоу впервые по-настоящему оценили голос новой звезды Лиюаня.

Или, можно сказать, что только пятнадцатого числа вечером Гу Шэн по-настоящему стал известен во всём Цзиньчжоу.

Как будто бутон, который долгое время тихо распространял свой аромат, внезапно расцвёл перед всеми. Это вызвало и удивление, и радость, и слёзы.

Аплодисменты продолжались более получаса, а вход в гримёрную был плотно забит восторженными поклонниками.

На следующий день газеты пестрели заголовками о невероятном успехе Большого театра Миньюэ накануне вечером. Плакаты с изображением Гу Шэна в сценическом образе украшали стены театра, а фотографии его без грима моментально раскупались. Приглашения на выступления и визиты начали поступать в огромных количествах, и поток посетителей не прекращался.

Гу Шэн проезжал мимо театра на своём автомобиле, и толпы людей смотрели на него с обеих сторон дороги.

Слухи о том, что он соблазнил молодого Цзяна, больше не обсуждались. Теперь все говорили о новой звезде Лиюаня, знаменитом артисте Гу Шэне, который только что окончил обучение и уже выступал на сцене.

Цзиньчжоу был колыбелью пекинской оперы, и люди, погружённые в этот мир уже несколько веков, сразу понимали, кто хорош, а кто нет. Если артист пел плохо, даже самый известный актёр мог быть освистан. Но если он пел хорошо, множество ценителей начинали его поддерживать, не обращая внимания на прошлое.

<http://bllate.org/book/16144/1445731>